

Уроки трансформации

Владимир Попов (Профессор Российской экономической школы (РЭШ), заведующий сектором Академии народного хозяйства при правительстве РФ, доктор экономических наук)

Стабильный экономический рост — производная сильных институтов. Какими методами эти институты поддерживаются — авторитарными или демократическими — для хозяйственной динамики неважно.

Иллюстрация: VE

Беглый взгляд на статистику позволяет увидеть огромные различия в экономической динамике постсоветских государств. Какие из бывших советских республик развивались лучше в последние пятнадцать лет, прошедших после развала СССР? Неспециалист, скорее всего, скажет, что успешнее других были прибалтийские республики, и ошибется. Эстония в передовиках действительно числится, но Латвия и Литва — нет. Зато такие страны, как Армения, Белоруссия, Казахстан и Узбекистан, обычно не значащиеся в лидерах рыночных реформ, в этом списке присутствуют. Согласно данным ЕБРР, по итогам прошлого года они полностью преодолели трансформационный спад 90-х годов, то есть превысили уровень ВВП предкризисного 1989 года (см. [график 1](#)). По данным Статкомитета СНГ, если за точку отсчета принять 1991 год, то предрыночный уровень выпуска на постсоветском пространстве преодолели пока только шесть из пятнадцати бывших союзных республик (Россия преодолеет этот рубеж лишь по итогам уходящего года). Причем за редкими исключениями лучшую накопленную динамику демонстрируют страны, испытавшие менее глубокий трансформационный спад (см. [график 2](#)).

Да и по доле инвестиций в ВВП в 2000–2005 годах лидируют те же страны: Эстония соседствует с Белоруссией, а Латвия оказывается рядом с Азербайджаном (см. [график 3](#)).

Пятнадцать лет назад, на заре экономической трансформации, споры велись в основном о темпах реформ — между шокотерапевтами, сторонниками радикальных реформ, и градуалистами, приверженцами постепенных преобразований. Сторонники шоковой терапии утверждали, что «невозможно преодолеть пропасть в два прыжка», что быстрая смена экономической системы позволит исключить смутный период, когда старые правила уже не действуют, а новые еще не заработали. Градуалисты, в свою очередь, возражали против разрушения ранее существовавших институтов и отмены прежних правил экономического регулирования до того, как будут созданы новые институты и разработаны новые правила, предупреждая, что институциональный вакуум может привести к катастрофическому спаду производства.

На уровне обобщений аргументы о связи темпов либерализации с экономическим ростом, возможно, и кажутся убедительными, однако дьявол, как известно, кроется в деталях. Более внимательный взгляд на конкретные примеры тотчас же обнаруживает ряд несоответствий.

Сравнение экономической динамики в странах бывшего СССР не укладывается в схему «больше либерализации — меньше падение производства». В самом деле, из прибалтийских республик, бесспорных лидеров либерализации, только Эстония показывает приемлемые результаты. Экономические успехи Белоруссии, обделенной нефтью и газом и называемой последней диктатурой Европы, смотрятся как вызов «традиционной мудрости».

Узбекистан тоже не вписывался и не вписывается в рамки либерализационной концепции. Десять лет назад в статье эксперта МВФ Джеромина Зетльмайера «Загадка узбекского роста» утверждалось, что экономический рост в стране поддерживается искусственно, через скрытые и явные субсидии. Но вот прошло десять лет, а спада как не было, так и нет — узбекская экономика начиная с 1996 года устойчиво растет.

Собственно говоря, зависимость между либерализацией и экономической динамикой если и есть, то скорее отрицательная. Как видно на [графике 4](#), если исключить прибалтийские республики, то большей либерализации почти всегда соответствует меньший рост производства. Та же отрицательная зависимость просматривается и для показателей приватизации и экономической динамики: лидеры по темпам роста в СНГ (Узбекистан и Белоруссия) имеют и самую низкую долю частного сектора в ВВП (менее 50%).

Получается, что в Прибалтике либерализация работает, а в СНГ — нет. Почему? Краткий ответ на этот вопрос таков: во-первых, исходные условия были очень различны, а во-вторых, государственные институты, без которых либеральная рыночная экономика не работает, оказались менее разрушенными, с одной стороны, в странах с быстрой либерализацией и демократизацией, но с изначально сильными институтами (Прибалтика), а с другой — в странах с изначально слабыми институтами, но с медленной демократизацией (Белоруссия, Узбекистан). А вот в странах с плохим правопорядком, выбравших путь быстрой демократизации и либерализации, произошел фактический крах госинститутов. А вслед за ним — тяжелый и продолжительный спад экономики.

Из опыта всех стран с переходной экономикой можно сделать по крайней мере один общий вывод в отношении процесса реформ: если реформы вызывают необходимость структурной перестройки (перераспределения ресурсов), то их темп должен быть таким, чтобы масштаб реструктурирования не превышал инвестиционный потенциал экономики. Это главное обоснование необходимости постепенной, а не одномоментной ликвидации тарифных и нетарифных барьеров, субсидий и иных форм государственной поддержки определенных секторов. Кстати, Европейскому экономическому сообществу и НАФТА потребовалось почти десять лет, чтобы ликвидировать тарифы, хотя их средний уровень был мизерным — всего лишь порядка 10% от стоимости импорта.

Динамика государственных расходов в переходный период оказывается со всех точек зрения более важным фактором успешной трансформации, чем скорость реформ. Сохранение большого государства в переходный период, разумеется, не может быть абсолютной гарантией благоприятной динамики производства (нужны еще и другие условия, в частности эффективное расходование государственных средств). Однако резкое сокращение госрасходов, в особенности на «обычное правительство» (этот агрегат включает в себя расходы на медицину, образование, правоохранительные органы и судебную систему) — верный путь к коллапсу институтов и глубокому падению производства, сопровождающемуся углублением социального неравенства и макроэкономическим популизмом.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет «романа» постсоциалистической трансформации — сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Белоруссии) и их развал в остальных. Как минимум на 90% это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации (market failure).